

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Детвора

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615845
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3

Аннотация

«Существует такая рубрика шуток и острот, которая занимает очень видное место на страницах юмористических журналов, – рубрика, без которой не обходится ни один самый маленький юмористический отдел в газете.

Рубрика эта – «Наши дети».

Соль острот «наши дети» всегда в том, что вот, дескать, какие ужасные пошли нынче дети, как мир изменился и как ребята делаются постепенно невыносимыми, ставя своих родителей и знакомых в ужасное положение. ...»

Аркадий Аверченко

Детвора

Существует такая рубрика шуток и острот, которая занимает очень видное место на страницах юмористических журналов, – рубрика, без которой не обходится ни один самый маленький юмористический отдел в газете.

Рубрика эта – «Наши дети».

Соль острот «наши дети» всегда в том, что вот, дескать, какие ужасные пошли нынче дети, как мир изменился и как ребята делаются постепенно невыносимыми, ставя своих родителей и знакомых в ужасное положение.

Обыкновенно остроты «наши дети» фабрикуются по одному и тому же методу:

– Бабушка, ты видела Лысую гору?

– Нет, милый.

– А как же папа говорил вчера, ты сущая ведьма?

Или:

– Володя, поцелуй маму, – говорит папа. – Поблаговари ее за обед.

– А почему, – говорит Володя, – вчера дядя Гриша целовал в будуаре маму перед обедом?

Или совсем просто:

– Дядя, ты лысый дурак?

– Что ты, Лизочка!

– Ну да. Мама, ты же сама вчера сказала папе, что дядя – лысый дурак.

Бывают сюжеты настолько затасканные, что они уже перестают быть затасканными, перестают быть «дурным тоном литературы». Таков сюжет «наши дети».

Поэтому я и хочу рассказать сейчас историю о «наших детях».

От праздничных расходов, от покупок разных гусей, сапог, сардин, нового самовара, икры и браслетки для жены у чиновника Плешихина осталось немного денег.

Он остановился у витрины игрушечного магазина и, разглядывая игрушки, подумал:

«Куплю-ка я что-нибудь особенное своему Ваньке. Этакое что-нибудь с заводом и пружиной!»

Зашел в магазин.

– Дайте что-нибудь этакое для мальчишки восьми-девяти лет!

Когда ему показали несколько игрушек, он пришел в восторг от искусно сделанного жокея на собаке: собака перебирала ногами, а жокей качался взад и вперед и натягивал вожжи, как живой. Долго смотрел на него Плешихин, смеялся, удивлялся и просил завести снова и снова.

Возвращаясь, ног под собой не чувствовал от радости, что попал на такую прекрасную вещь.

Дома, раздевшись и проходя мимо детской, услышал го-

лоса. Приостановился...

О чем они там совещаются? Мечтают, наверное, ангелочки, о сюрпризах, гадают, кому какие достанутся подарки... Обуреваемы любопытством – будет ли елка... О золотое детство!

Разговаривали трое: Ванька, Вова и Лидочка.

– Я все-таки, – говорил Ванька, – стою за то, чтобы их не огорчать. Елку хотят устроить? Пусть! Картонажами ее увешать хотят – пусть забавляются. Но я думаю, что с нашей стороны требуется все-таки самая простая деликатность: мы должны сделать вид, что нам это нравится, что нам весело, что мы в восторге. Ну... можно даже попрыгать вокруг елки и съесть пару леденцов.

– А по-моему, просто, – сказал прямолинейный Вова, – нужно выразить настоящее отношение к этой пошлейшей елке и ко всему тому, что отдает сюсюканьем и благоглупостями наших родителей. К чему это? Раз это тоска...

– Милый мой! Ты забываешь о традиции. Тебе-то легко сказать, а отец, может быть, из-за этого целую ночь спать не будет, он с детства привык к этому, без этого ему Рождество не в Рождество. Зачем же без толку огорчать старика...

– И смешно, и противно, – усмехнулся Вова, – как это они нынче устраивали елку: заперлись в гостиной, клеют какие-то картонажы, фонарики. Зачем? Что такое! Когда я, нарочно, спросил, что там делается, тетя Нина ответила: «Там маме шьют новое платье!..» Секрет полишинели!..

Все засмеялись.

– Братцы! – умоляюще сказал добросердечный Ванька. – Во всяком случае, ради Бога, не показывайте вида. Вы смотрите-ка, как я себя буду вести – без неумеренных восторгов, без переигрывания, но просто сделаю вид, что я умилен, что у меня блестят глазки и сердце бьется от восторга. Сделайте это и вы: порадуем стариков.

Плешихин открыл дверь и вошел в детскую, сделав вид, что он ничего не слышал.

– Здравствуйте, детки! Ваня, погляди-ка, какой я тебе подарочек принес! С ума сойти можно!

Он развернул бумагу и пустил в ход жокея верхом на собаке.

– Очень мило! – сказал Ваня, захлопав в ладоши. – Как живой! Спасибо, папочка.

– Тебе это нравится?

– Конечно! Почему же бы этой игрушке мне не нравиться? Сработана на диво, в замысле и механике много остроумия, выдумки. Очень, очень мило.

– Ваничка!!

– Что такое?

– Милый мой! Ну, я тебя люблю – ну, будь же и ты со мной откровенен... Скажи мне, как ты находишь эту игрушку и почему у тебя такой странный тон?

Ванька смущенно опустил голову.

– Видишь ли, папа... Если ты позволишь мне быть откоро-

венным, я должен сказать тебе: ты совершенно не знаешь психологии ребенка, его вкусов и влечений (о, конечно, я не о себе говорю и не о Вове – о присутствующих не говорят). По-моему, ребенку нужна игрушка примитивная, какой-нибудь обрубок или тряпичная кукла, без носа и без глаз, потому что ребенок большой фантазер и любит иметь работу для своей фантазии, наделяя куклу всеми качествами, которые ему придут в голову; а там, где за него все уже представлено мастером, договорено механиком, – там уму его и фантазии работать не над чем. Взрослые все время упускают это из вида и, даря детям игрушки, восхищаются ими больше сами, потому что фантазия их суше, изощреннее и может питаться только чем-то доходящим до полной иллюзии природы, мастерской подделки под эту природу.

Понурился, молча, слушал сына чиновник Плешихин.

– Так... Та-ак! И елка, значит, как ты говорил давеча, тоже традиция, которая нужнее взрослым, чем ребятам?

– Ах, ты слышал?.. Ну, что же делать!.. Во всяком случае, мы настолько деликатны, что ни за что не дали бы вам почувствовать той пошлой фальши и того вашего смешного положения, которые для постороннего ума так заметны...

Чиновник Плешихин прошелся по комнате раза три, задумавшись.

Потом круто повернулся к сыну и сказал:

– Раздевайся! Сейчас сечь тебя буду.

На губах Ваньки промелькнула страдальческая гримаса.

– Пожалуйста! На твоей стороне сила – я знаю! И я понимаю, что то, что ты хочешь сделать, – нужнее и важнее не для меня, а, главным образом, для тебя. Не буду, конечно, говорить о дикости, о некультурности и скудности такого аргумента при споре, как сечение, драка... Это общее место. И если хочешь – я даже тебя понимаю и оправдываю... Ты устал, заработался, измотался, истратился, у тебя настроение подавленное, сердитое, скверное... Нужно на ком-нибудь сорвать злость – на мне или на другом – все равно! Ну что ж, раз мне выпало на долю стать объектом твоего дурного настроения – я покоряюсь и, добавлю, даже не сержусь. «Понять, – сказал философ, – значит простить».

Старик Плешихин неожиданно вскочил со стула, махнул рукой, снял пиджак, жилет и лег на ковер.

– Что с тобой, папа? Что ты делаешь?

– Секи ты меня, что уж там! – сказал чиновник Плешихин и тихо заплакал.

Во имя правды, во имя логики, во имя любви к детям автор принужден заявить, что все рассказанное – ни более ни менее как сонное видение чиновника Плешихина...

Заснул чиновник – и пригрезилось.

И, однако, сердце сжимается, когда подумаешь, что дети наших детей, шагая в уровень с веком, уже будут такими, должны быть такими – как умные детишки отсталого чиновника...

Пошли, Господь, всем нам смерть за пять минут до этого.